

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.

Глава XXXVII¹⁾.

Дикая вакханалія осенняго равноденствія захватила также и ноябрь. Грозный Посейдонъ съ бѣшеной энергіей колебалъ море и проливы; сердитый Борей²⁾, гуляя надъ волнами, ревѣлъ, какъ звѣрь, а небо хмурилось, не обѣщая лазури, и вся природа древней Византіи отражала въ себѣ, такимъ образомъ, бурное смятеніе народовъ Оттоманской имперіи...

Тревога росла, печать была въ набатъ, раздувая пламя фанатизма на горячей, зыбкой почвѣ Константинополя: не доставало только послѣдняго слова дипломатіи, чтобы загремѣли пушки во славу жестокаго коварнаго бога войны...

Тѣмъ временемъ я переживала глубокой, душевный кризисъ; но разобраться въ тѣхъ противорѣчіяхъ, которыми сама жизнь окружила меня тогда, было не по моимъ силамъ. Въ этой трагедіи души и сердца христіанскій тезисъ, опредѣляющій свободную волю человѣка въ дѣяніяхъ, какъ-то странно укладывался въ моихъ понятіяхъ рядомъ съ формулой ислама: „чему быть, тому не миновать“, и я пассивно отдавалась широкой неотразимой волѣ историческихъ событій. Такъ побѣждала меня судьба, разрушая волшебную сказку моей любви...

Наконецъ барометръ сталъ подниматься: лиловыя тучи, заряженные какъ Лейденская банка, свернулись и умчались

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1915 г.

²⁾ Въ греч. мнѳологіи богъ сѣверо-восточнаго вѣтра, чрезвычайно бурнаго въ южныхъ широтахъ.

обратно къ сѣверу; яркій лучъ солнца, блеснувъ надъ роскошнымъ Царьградомъ, принялся играть своими рефлексами на золотыхъ полумѣсяцахъ и свинцовыхъ куполахъ мечетей, скользить вездѣ, разгоняя дымки тумановъ и отражая себя въ голубой водѣ Босфора...

Съ возвращеніемъ погоды оживился сезонъ въ христіанскихъ кварталахъ столицы: званые обѣды, балы, маскарады шли параллельно во всѣхъ резиденціяхъ дипломатовъ; но въ заколдованный кругъ этихъ полубоговъ на Востокѣ мѣстная аристократія доступа не имѣла. Впрочемъ, отъ времени до времени запретныя двери широко распахивались, и могучая власть золота въ лицѣ какого-нибудь, напримѣръ, банкира изъ греческаго Фанара¹⁾ или маклера биржи, входила туда побѣдоносно, сокрушая на своемъ пути, такимъ образомъ, кастовыя предразсудки.

О мусульманскомъ обществѣ и говорить нечего: закованное въ цѣпи гаремнаго быта, оно держалось въ сторонѣ отъ шумныхъ затѣй невѣрныхъ гуяровъ, и только немногіе самовники Порты, а также адъютанты султана являлись обыкновенно на большіе официальные рауты; но у себя никакихъ приемовъ не дѣлали.

Что же касается пришлаго населенія, такъ называемыхъ „левантинцевъ“, то картина ихъ жизни будетъ вполне зарисована, если мы бросимъ даже мимолетный взглядъ на главную улицу Перы: здѣсь бьется пульсъ этой веселой, нарядной и совершенно праздно толпы; здѣсь она царитъ надъ мостовой, разливаясь пестрыми, какъ мозаика, волнами по шикарнымъ магазинамъ, великолѣпнымъ „brasseries“, раскиданнымъ вездѣ, на каждомъ шагу, по кафе-ресторанамъ, точно у себя дома ей ровно нечего дѣлать. Такъ проходитъ день, а ночью элегантная красавица Пера зажигаетъ гостепріимные огни въ жилищахъ своего интернаціональнаго обывателя и веселится до утренней зари: въ этихъ сферахъ по преимуществу любили танцовать, а также играть въ карты.

Выше было сказано, что стамбульская аристократія никакихъ официальныхъ приемовъ у себя не дѣлала; но это не относится къ интимной жизни гаремныхъ затворницъ: наоборотъ, турчанки весьма охотно зовутъ къ себѣ на пирушки иностранокъ и очень любятъ ихъ общество. Такъ было и по отношенію ко мнѣ лично въ дни моего пребыванія на берегахъ столицы

¹⁾ Кварталь, населенный греками, уроженцами Константинополя, потомками древнихъ византійскихъ родовъ.

Абдуль-Гамида, и о чемъ я имѣю намѣреніе рассказать своему читателю. Изъ всѣхъ приглашеній, которыя сыпались благодаря Мидхатъ-пашѣ изъ гаремовъ турецкихъ сановниковъ исключительно по моему адресу, самымъ интереснымъ для меня оказалось слѣдующее: „Хадиджа и Зейнабъ шлютъ вамъ, mademoiselle, на крыльяхъ своихъ желаній ароматъ любви и глубокаго почтенія. Это написано въ нашихъ сердцахъ точно на бумагѣ, которая передастъ вамъ, что мы просимъ вашу милость посѣтить нашъ домъ и украсить его лучами вашей красоты“... Затѣмъ шли разнообразныя пожеланія съ добавленіемъ комплиментовъ въ стилѣ турецкой вѣжливости.

Такъ писали мнѣ изъ гаремнаго міра первыя феминистки того времени, дочери прогрессивнаго отца, убѣжденнаго поклонника западной цивилизаціи, извѣстнаго дѣятеля партіи „Молодая Турція“, министра иностранныхъ дѣлъ Сафеть-паши. И дѣйствительно, на фонѣ унылаго, безправнаго существованія магометанской женщины онѣ являлись тогда прямо анахронизмомъ въ бытовомъ укладѣ турецкаго общества, весь строй жизни котораго до мельчайшихъ подробностей опредѣленъ законами шаріата; но Хадиджа и Зейнабъ, не считаясь съ его суровыми постановленіями, выступали піонерками женской эмансипаціи отъ вѣковыхъ устоевъ, завѣщанныхъ кораномъ. Міровоззрѣніе это проникло съ ихъ головы благодаря чтенію романовъ Жоржъ Зандъ, тайно ходившихъ въ тѣ времена по гаремамъ либеральныхъ сановниковъ.

И вотъ такимъ образомъ, въ одинъ изъ печальныхъ дней томленія по золотой свободѣ, рабыни ислама обнаружили духъ протеста и возмущенія старыми порядками жизни; но вся шумиха этого движенія, созданнаго вокругъ феминизма, имѣла своимъ началомъ забавный инцидентъ: какими-то путями, перешагнувъ черезъ барьеры шаріата въ гаремъ дочерей Сафеть-паши явился невѣрный гяуръ, фотографъ и снялъ обѣихъ сестеръ по ихъ собственному желанію безъ яшмаковъ, съ открытыми лицами; но самое интересное было здѣсь то, что онѣ позировали въ довольно рискованномъ декольте...

Снимки, минуя цензуру Магомета, попали въ уличную продажу, иностранцы съ великимъ удовольствіемъ раскупали ихъ, а бѣдному папашѣ, обремененному государственными дѣлами, приходилось очень и очень солоно отъ ревнителей завѣтовъ глубокой старины.

Слѣдующій день была пятница, мусульманскій праздникъ, и я отправилась въ конакъ Сафеть-паши.

Два албанца, вооруженные до зубовъ, распахнули передо мной двери параднаго входа и дали звонокъ наверхъ.

Оттуда немедленно сбѣжали на площадку лѣстницы двѣ черныя рабыни, которыя и проводили меня въ апартаменты гарема. Навстрѣчу мнѣ понеслись восклицанія привѣтствій, а затѣмъ я была окружена тѣснымъ кольцомъ нарядныхъ женщинъ въ модныхъ прическахъ...

Если бы въ данный моментъ рядомъ со мной вошелъ бы туда какой-нибудь туристъ, настроенный видѣть обстановку дома знатнаго паши въ стилѣ арабскихъ сказокъ, то вѣроятно онъ формулировалъ бы свое разочарованіе приблизительно такъ: „Гдѣ же тутъ прелесть Востока!? Гдѣ его вкусъ и колоритъ!? Всю эту буржуазную, шаблонную роскошь, всѣхъ этихъ изящныхъ дамъ въ парижскихъ туалетахъ мы видимъ и у себя на Западѣ—слѣдовательно, исчезло то, что окрыляло фантазію художника и поэта“!?

Все это сказалъ бы непременно мой воображаемый спутникъ, а не я, такъ какъ показная сторона европейской цивилизаціи на верхахъ турецкаго общества была мнѣ хорошо знакома...

И дѣйствительно, убранство комнатъ министерства иностранныхъ дѣлъ не отвѣчало понятію о великолѣпціи жилища сановника Оттоманской имперіи: приемная, обставленная мебелью изъ французскаго магазина, на стѣнахъ лубочныя картины, часы подъ стеклянными колпаками, зеркала въ бронзовыхъ рамкахъ, люстры и другія вещи обыкновеннаго рыночнаго издѣлія такъ и били въ глаза полнѣйшимъ отсутствіемъ элегантнаго вкуса и настоящаго европейскаго комфорта. Словомъ, какъ мнѣ приходилось наблюдать, турки, вкусившіе до нѣкоторой степени отъ плодовъ западной цивилизаціи, очень любятъ нашу фабричную мебель, наши моды, украшенія, сервировку и съ наивностью дикарей вѣрятъ, что это приближаетъ ихъ къ главному центру европейской культуры...

Въ числѣ дамъ, находившихся въ салонѣ дочерей Сафетъ-паши, я узнала мою хорошую знакомую Ариадну Фотіади, уроженку Хиоса, гдѣ мы и встрѣчались, когда она пріѣзжала къ себѣ на родину. Мужъ ея, извѣстный милліонеръ Константинопольской биржи, стоялъ во главѣ экспорта розоваго масла въ Америку, что давало ему необъятные барыши; въ своемъ роскошномъ палаццо на главной Перской улицѣ супруги Фотіади принимали весь чиновный міръ Оттоманской Порты, а также всю денежную аристократію столицы; но и гордые, чванные

дипломаты не брезгали сидѣть за однимъ столомъ рядомъ съ торгашами или танцовать съ ихъ вульгарными женами. Впрочемъ, какъ извѣстно, милліоны обладаютъ волшебнымъ свойствомъ дѣлать, напримѣръ, черное бѣлымъ, уродливое красивымъ, глупое очень даже умнымъ и т. д. до безконечности.

Мнѣ приходилось бывать на этихъ великолѣпныхъ пиражъ и наблюдать, такимъ образомъ, картину торжества золота во всѣхъ его разнообразныхъ формахъ...

Впрочемъ, гдѣ оно не царить, и гдѣ границы его власти!?

Хадиджа и Зейнабъ по волѣ ихъ цивилизованнаго отца носили такія священныя для мусульманъ имена, какъ жены и старшей дочери Магомета; но здѣсь не было никакого противорѣчія въ міровозрѣніяхъ либеральнаго Сафетъ-паши, а наоборотъ, все это находилось въ полнѣйшей гармоніи между собой, и если благосклонный читатель вспомнить главу, посвященную мною архи-либеральному Мидхатъ-пашѣ, то останется добавить сюда лишь нѣсколько словъ: европейская культура мѣняетъ только внѣшній обликъ и показную сторону жизни Востока, не проникая въ глубину его души и не разрушая его идеаловъ.

Турецкія барышни, о которыхъ идетъ рѣчь, до 14 лѣтнаго возраста посѣщали французскую школу, гдѣ сестры милосердія какой-то христіанской общины учили ихъ по утвержденной закономъ программѣ для мусульманскихъ дѣвочекъ, а въ дальнѣйшемъ онѣ уже сами дополняли курсъ своего образованія чтеніемъ романовъ Жоржъ Зандъ по преимуществу. На этомъ и былъ законченъ ихъ прогрессъ...

Европеецъ даже вообразить себѣ не можетъ, какая чудовищная скука царить въ богатыхъ турецкихъ гаремахъ: лишеныя благъ общественной жизни и проявленія всякой личной инициативы, какъ, напримѣръ, чтенія книгъ по собственному выбору, затворницы Магомета, не зная, на что убить время или къ чему приложить энергію своихъ душевныхъ качествъ, пассивно отдаются теченію ихъ унылаго существованія, наполняя его сплетнями, дразгами, интригами и заботами о модныхъ тряпкахъ, а это для нихъ родная стихія, какъ вода для рыбы...

Такова правда о земныхъ гуріяхъ Полумѣсяца; но, конечно, въ бѣдныхъ домахъ картина ихъ быта теряетъ свой видъ, хотя и здѣсь женщина остается навсегда рабой мужчины. Не знаю, совершилась ли къ данному времени эволюція въ пользу ея освобожденія отъ цѣпей рабства; но думаю, что европейская

цивилизация еще не скоро пробьетъ себѣ широкую брешь въ стѣнахъ неподвижнаго Ислама...

Послѣ церемоніи взаимныхъ рукопожатій à la franco меня усадили на широкій, низкій диванъ и обложили со всѣхъ сторонъ подушками, точно разслабленную недугами дряхлую старушку, выражая этимъ исключительное вниманіе къ моему комфорту. Гостепріимство самая характерная черта общественной жизни мусульманскаго народа и главная добродѣтель, завѣщанная ему кораномъ. Ничѣмъ нельзя такъ оскорбить турка, какъ сказавъ ему, что онъ не съ должною любезностью и радушіемъ принималъ своихъ гостей.

Евнухи и черныя рабыни, которыхъ у прогрессивнаго савновника находилось очень много, внесли подносы—съ угощеніемъ, душистые шербеты, папирсы и фрукты.

Медіе-ханумъ, жена Сафетъ-паши, дама внушительныхъ размѣровъ съ ярко выраженнымъ типомъ малозіатской уроженки, отвѣчала вполнѣ идеалу гаремнаго вкуса. Это была далеко еще не старая женщина, сохранявшая на удивленіе знавшихъ ее въ очень молодые годы свои пышныя, упругія формы, блескъ черныхъ глазъ и великолѣпный румянецъ на щекахъ. Последнее, видимо, находилось въ прямой зависимости отъ парижской косметики, творившей чудеса въ будуарахъ знатныхъ дамъ столицы падишаха: какъ извѣстно, худыхъ и блѣдныхъ красавицъ турки не признаютъ. Оттоманская аристократія называла Медіе-ханумъ „стамбульской Венерой“; но объ ея дочеряхъ говорили такъ: „Ахъ, эти бѣдныя дурнушки, ни мяса на костяхъ, ни роста, ни краски въ лицѣ—ну, точно ихъ заморили голодомъ“!..

Впрочемъ, были о нихъ и другія сужденія, изъ которыхъ отмѣчаю слѣдующее: „Правда, Аллахъ не далъ имъ красоты тѣла и граціи одалиски; но зато никто лучше ихъ не понимаетъ, какіе фасоны больше въ модѣ, гдѣ что купить, какъ одѣться на пріемъ къ Валиде-султаншѣ или съ визитомъ къ важнымъ особамъ и, наконецъ, въ баню.

Это все у нихъ отъ матери: она женщина большого ума и знаетъ толкъ въ нарядахъ. Пересто-ханумъ ¹⁾ также говоритъ что Хадиджа и Зейнабъ очень умныя дѣвушки...

Но пусть читатель самъ разбирается въ логикѣ турецкихъ дамъ, а я могу лишь добавить, что элегантный туалетъ отъ лучшей портнихи, одѣвавшей весь „большой свѣтъ“ Константи-

¹⁾ Валиде-султанша, мать Абдулъ-Гамиды.

нополя, какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ модной прической моихъ героинь.

Когда, наконецъ, турчанки перестали жевать и слуги убрали остатки угощенія, между нами завязался интересный разговоръ на тему о великолѣпнѣ столицѣ падишаха.

Вскорѣ, однако, вопросъ этотъ былъ исчерпанъ до основанія, а затѣмъ мы перешли на *дѣловую почву*.

— Скажите, въ какомъ магазинѣ покупали вы эту ленточку? обратилась ко мнѣ ханумъ, рассматривая бантикъ на рукавѣ моего платья точно инфузорію какую-то подъ микроскопомъ.

— А сколько метровъ пошло на отдѣлку всего платья?— вмѣшалась другая, уже не молодая особа, но видимо съ большими претензіями на красоту, судя по татуировкѣ ея фізіономіи.

— А какой туалетъ думаете вы заказать къ открытію сезона карнавала? Голубой или розовый?—спрашивали меня со всѣхъ сторонъ гаремныя франтихи:—Какіе духи теперь въ модѣ? Почему московскія дамы не бѣлятся и не румянятся? Мы видѣли вашу генеральшу ¹⁾—у нея цвѣтъ лица не интересный! Намъ рассказывала одна крымская татарка, что въ Россіи ни за какія деньги нельзя купить бѣлилъ и румянъ—правда ли это?..

На мои возраженія мнѣ отвѣчали загадочными улыбками, но я читала въ ихъ глазахъ: „ай, какъ глупа эта франка—даже понятія не имѣетъ о томъ, что безъ косметики трудно жить на свѣтѣ“!..

Но Аріадна Фотіади выручила меня: своимъ авторитетнымъ словомъ она подтвердила, что, дѣйствительно, *московскія* дамы не бѣлятся и не румянятся, такъ какъ у нихъ совершенно другое міровоззрѣніе на красоту, чѣмъ у земныхъ гурій Востока.

На этомъ были закончены наши пренія, и визитерши стали расходиться. Медіе-ханумъ также удалилась въ свои личные апартаменты, а обѣ ея дочери увели меня въ свой будуаръ. Здѣсь сервированъ былъ чай по-англійски: на спиртовой лампочкѣ въ серебряной кострюлькѣ что-то кипѣло и бурлило, распространяя вокругъ себя непріятный запахъ паренаго вѣнника:

— Вотъ она цивилизація!—думала я, наблюдая, какъ мои накрашенныя героини разливали мутную жидкость по чашечкамъ „*vieux sahe*“ и укладывали кексъ на тарелочки изъ богемскаго стекла.

— *Ma belle russe!*—окликнула меня Зейнабъ, красивымъ жестомъ руки указывая на столъ, гдѣ дымилась драгоценная

¹⁾ Т. е. жену нашего посла.

влага,—это у насъ будетъ „five o'clock tea“ передъ обѣдомъ такъ какъ мы не рискнули предложить вамъ чего-нибудь вульгарнаго: кофе, напимѣръ, или шербетъ...

— Напрасно беспокоились,—не давая ей договорить, возразила я,—мнѣ хотѣлось сейчасъ именно турецкаго кофе...

Надо было видѣть, что произошло и какая суматоха поднялась въ домѣ: бѣлыя рабыни забѣгали изъ комнаты въ комнату, черныя служанки носились ураганомъ сверху внизъ и обратно, евнухи грозными окриками подгоняли ихъ, и все это для того, чтобы сварить одну чашку кофе!..

Распоряжаясь сервировкой, Хадиджа опрокинула кастрюлю съ наваромъ чая, а Зейнабъ бросилась цѣловать и неизвѣстно за что благодарить меня, словно я нашла ей богатаго жениха.

— Ахъ, какая вы добрая, милая дѣвушка!—говорила она, въ порывѣ экстаза, вдругъ охватившаго ее,—вы не презираете насъ, какъ другія иностранки, которыя приходятъ сюда только ради смѣха, а затѣмъ распространяють о насъ нелѣпыя, вздорныя слухи—вотъ какія онѣ ваши европейскія дамы!..

— Мнѣ кажется, что и вы также не остаетесь у нихъ въ долгу?—возразила я, чтобы уклониться отъ изліяній; но получила такой отвѣтъ:

— О, нѣтъ! нѣтъ! мы никогда не позволяемъ себѣ говорить дурно объ иностранкахъ, тогда какъ онѣ, наоборотъ, даже пишутъ въ своихъ книгахъ, что якобы турчанки пьютъ не самый кофе, а только гущу отъ него и въ такомъ видѣ предлагаютъ его гостямъ—ну, развѣ можно такъ безсовѣстно врать?..

— А между тѣмъ все это читають въ Европѣ и судятъ о насъ по ихъ сплетнямъ—вотъ какія онѣ!—блеснувъ глазами, какъ хищный звѣрокъ, договорила старшая сестра, а младшая, замѣтивъ мое настроеніе, тотчасъ же измѣнила тонъ:

— Но вы совсѣмъ другая, и мы не знаемъ, какъ благодарить супругу Мидхатъ-паши за то, что она устроила наше знакомство,—говорила экспансивная турчанка, ласкаясь и сжимая мнѣ руки до боли,—вы не брезгаете нашимъ угощеніемъ, а мы думали, что и въ Россіи, какъ въ Англии, бываетъ также „five o'clock“ передъ обѣдомъ, и вотъ почему сварили для васъ эту черную бурду...

Я объяснила имъ весь порядокъ нашего чаепитія.

— Са-мо-варъ?! Значить, это машина?.. а мы читали въ газетахъ... намъ рассказывали,—и мои собесѣдницы окончательно растерялись...

— Интересно, кто вамъ рассказывалъ такой вздоръ? — спросила я.

— Подобныхъ женщинъ я зашивала бы въ мѣшки и бросала бы въ море,—не отвѣчая мнѣ, громко заявила либеральная Хадиджа, видимо увлекаясь какой-то идеей, но не соображая, гдѣ и какъ ее примѣнить?

Наконецъ, сервировка кофе была успѣшно закончена. Я оцѣнила по достоинству его несравненный вкусъ и аромать, а затѣмъ мы расстались большими друзьями.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

